

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ОПТИКЕ КОНСЕРВАТИЗМА И ПРОГРЕССИЗМА¹

Дёмин И. В.

Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С. П. Королёва,
кафедра философии и истории, доцент

В статье выявляется связь между темпоральной структурой общественного сознания и политической идеологией. Рассматриваются способы конструирования образа будущего в контексте консервативного и прогрессистского миропонимания.

Ключевые слова: идеология, консерватизм, прогрессизм, образ будущего, общественный идеал, утопия.

1. Понятие образа будущего

Идентичность социального субъекта (будь то индивид, народ или государство) определяется не только его прошлым и настоящим, но и теми образами будущего, на которые он ориентируется и которые стремится реализовать в своём бытии.

¹ Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-6200.2016.6 «Семиотические основания техники и технического сознания».

Понятие образа будущего сравнительно недавно вошло в дискурс социально-гуманитарных наук. Первоначально этим термином обозначалась позитивная модель ожидаемого будущего. Именно в таком значении выражение «образ будущего» впервые использовал нидерландский социолог Фред Полак в работе «The Image of the Future» [14, 7].

Проблематика, связанная с осмыслением образа будущего, его функций и способов конструирования, впрочем, не является совершенно новой для социальной философии, социологии и философии истории. Понятие образа будущего отсылает к фундаментальной проблеме социальной философии – проблеме соотношения между общественным идеалом и социальной действительностью. Господствующей парадигмой осмысления общественного идеала в философии XX в. стало неокантианство с характерным для него противопоставлением идеала наличной социальной действительности [12]. Идеал всегда *трансцендентен* социальному бытию, в силу чего представления социальных субъектов о *должном* общественном устройстве не могут вытекать из самой социальной действительности. Такая трактовка соотношения идеала и действительности, как будет показано далее, не является самоочевидной и идеологически нейтральной. Понимание идеала как трансцендентного социальной действительности характерно для *прогрессистского* типа мышления, представленного в либеральном и

социалистическом направлениях политической мысли.

Понятие образа будущего тесно связано с понятием общественного идеала, однако эти понятия не являются тождественными. Очевидно, что не всякий «образ будущего» функционирует в социальном бытии в качестве «общественного идеала». Не всякие представления субъекта о своём будущем выполняют функцию идеала (функцию социального целеполагания). Идеал является выражением представлений социальных субъектов о *должном* в противовес их представлениям о *сущем*. Иначе обстоит дело с «образом будущего». Понятие образа будущего совсем не обязательно отсылает к желаемому и должному. Образ будущего может не совпадать с общественным идеалом, это может быть образ *вероятного*, но *нежелательного* будущего.

Выражение «образ будущего» предполагает, что речь идёт не столько о проекте (цели), который социальный субъект стремится реализовать в своём бытии, сколько о спонтанно складывающейся картине будущего как некоей смысловой целостности. «Образ будущего» не столько *проект*, который мы реализуем, сколько «*очки*», через которые мы видим и оцениваем не только наличную социальную действительность, но также и историческое прошлое. Образ будущего, в отличие от общественного идеала, может быть как желательным, так и нежелательным.

Сказанное, однако, не исчерпывает всей сложности соотношения понятий «идеал» и «образ будущего». В социальной философии открытыми остаются принципиальные вопросы:

– Можно ли рассматривать общественный идеал в качестве универсального ориентира социальной деятельности и универсального инструмента социального познания?

– Является ли взгляд на социальную действительность сквозь призму общественного идеала единственно возможным или же такой способ видения инспирирован «идеационными» политическими идеологиями нового времени (либерализмом и социализмом)?

– Если консерватизм не является идеационной идеологией и не предполагает противопоставления идеала наличным формам социального бытия, то означает ли это, что *консервативный образ будущего* в принципе невозможен?

– Как возможна консервативная критика социальной действительности, коль скоро всякий идеал в контексте консервативного миропонимания оказывается сущностно укоренённым в социальном бытии?

2. Темпоральная структура сознания и образ будущего

Исходной предпосылкой изучения «образа будущего» в контексте различных типов идеологии явля-

ется экспликация темпоральной структуры общественного сознания. Бытие сознания в рамках феноменологической философии включает в себя три взаимосвязанных темпоральных аспекта: *восприятие*, которое открывает «настоящее»; *воспоминание*, которое открывает «прошлое»; *предвосхищение*, которое открывает «будущее».

В горизонте феноменологической рефлексии прошлое, настоящее и будущее являются *одновременными* в логическом и онтологическом смысле [2]. Говоря словами Ж.-П. Сартра, «у каждого настоящего есть свое будущее, которое освещает его и которое исчезает вместе с ним, становясь прошлым-будущим» [18; 153]. К этому можно было бы добавить, что у каждого настоящего не только «своё будущее», но и «своё прошлое».

Феноменологическая трактовка сознания исходит из того, что в наше понимание и восприятие социальных феноменов *изначально* «встроено» воспоминание (память) и «предвосхищение» (ожидание). Точнее, аспекты восприятия, воспоминания и предвосхищения являются взаимосвязанными, взаимопроизводными, взаимопосредованными. Образы прошлого, образы будущего и образы настоящего всякий раз *накладываются* друг на друга. Так мы видим прошлое сквозь призму настоящего и будущего; наши проекты и образы будущего, в свою очередь, определяются нашим видением прошлого и настоящего;

наконец, наше восприятие настоящего опосредовано образами прошлого и проектами будущего.

Такой представляется темпоральная структура сознания в контексте феноменологической философии. Эта структура универсальна для всех типов и уровней как индивидуального, так и общественного сознания. Однако когда мы переходим с фундаментально-онтологического уровня на уровень социальный, социально-политический, как только мы начинаем анализировать *идеологический* аспект сознания, эта универсальная структура, не утрачивая своего всеобщего характера, приобретает дополнительные черты. Мы можем говорить о *неодинаковой значимости* темпоральных структур сознания («прошлого», «настоящего» и «будущего») в контексте различных типов политического сознания и «стилей мышления». Различие между идеологиями как «стилями мышления» не сводится только к ценностям и идеалам, оно включает в себя также *различие в способе переживания социального времени*. Более того, именно различие в способе переживания времени и истории является определяющим и конститутивным для контрверзы «консерватизм – прогрессизм».

Понятие «образа будущего» имеет особое значение для анализа типов и форм идеологического сознания. «Образ будущего» является неотъемлемым компонентом темпоральной структуры общественного сознания. Принято полагать, что для различных культурно-исторических и идеологических типов со-

знания характерна ориентация на различные модусы временности: прошлое, настоящее или будущее. Так, консервативному типу сознания и стилю мышления приписывается преимущественная ориентация на прошлое, либеральному – на настоящее, а социалистическому – на будущее. На основании этого делается вывод, что в консерватизме определяющую роль играют «образы прошлого», в либерализме – «образы настоящего», а в социализме – «образы будущего» [10; 610]. Не отрицая полностью правомерность такой трактовки, следует всё же признать, что она содержит в себе существенное упрощение. Дело в том, что в каждой идеологии, понятой как стиль мышления, присутствуют все три ориентации (на прошлое, настоящее и будущее), но проявляются они по-разному.

3. Два подхода к пониманию консерватизма

Вопросы о типологии политических идеологий и стилей политического мышления, о месте различных идеологий в идейном контексте современности являются дискуссионными. Наиболее острые дискуссии разворачиваются вокруг консерватизма. Является ли консерватизм самостоятельной идеологией, полноправной идейно-политической традицией наряду с либерализмом и социализмом или же он представляет собой, как полагает С. Хантингтон, всего лишь особый подход к социальной практике, противостоящий

радикализму и идее социальной революции? Содержит ли консерватизм позитивный проект социальных изменений или же он является только выражением стремления определённых общественных групп и политических сил сохранить статус-кво?

Согласно Хантингтону, «в отличие от “идеационных” идеологий (либерализма и социализма), имеющих свой общественный идеал», консерватизм его заведомо лишен и, как следствие, лишен возможности руководствоваться чем-либо иным, кроме принципа сохранения сложившихся институтов, что делает его проявления «исторически изолированными и дискретными» [19; 469]. Консерватизм, следовательно, не может рассматриваться в качестве полноценной идеологии, поскольку в структуре консервативного миропонимания отсутствует представление об общественном идеале и «образе будущего».

Принципиально иной подход к консерватизму был разработан Карлом Манхеймом. Согласно Манхейму, консерватизм представляет собой целостное политическое мировоззрение и стиль мышления, альтернативный рационалистическому и универсалистскому мышлению эпохи Просвещения [15]. Консерватизм в рамках данного подхода составляет «альтернативу даже не отдельным политическим идеологиям современности, а всему семейству идеологий, основанных на предпосылках Просвещения» [17]. На первый план здесь выходит вопрос о том, как возможна *консервативная* критика наличной социальной действитель-

ности, сложившегося социального порядка? Как возможна *консервативная* критика «статус-кво»?

Между этими двумя трактовками консерватизма, несмотря на их кажущуюся противоположность, не существует непреодолимых противоречий. Следует говорить, скорее, не о двух равноправных и содержательно различных *подходах* к пониманию сущности консерватизма, но о двух *уровнях* анализа. Хантингтон рассматривает консерватизм по преимуществу в социально-политической плоскости, видит в нём *фактор политической жизни*. Манхейм же в качестве первичной и исходной единицы анализа выдвигает «стиль мышления» и рассматривает консерватизм в этом качестве, не отрицая, впрочем, правомерности интерпретации консерватизма как политического учения или партийной программы (эти смыслы являются вторичными по отношению к исходному пониманию консерватизма как стиля мышления и способа видения социальной реальности) [1].

В этой связи можно различать два уровня анализа консерватизма: политологический и философский (эпистемологический). В рамках политологического анализа на первый план выходят различия в ценностных ориентациях (идеологии различаются между собой прежде всего своими *ценностями*), тогда как в контексте политической философии акцент делается на различиях в *способе полагания ценностей*. Дело не в том, что консерватизм выдвигает иные идеалы и ценности, содержательно отличные от либеральных и

социалистических. Консерватизм пересматривает сам подход к действительности с точки зрения идеала и трансцендентных ценностей. Если либерализм и социализм как идеационные идеологии различаются в первую очередь своими ценностями, идеалами и образами будущего, то консерватизм радикально отличается от обеих этих идеологий своей трактовкой соотношения идеала и действительности. Консерватизм предполагает не просто особую «систему ценностей», но прежде всего специфическую социальную онтологию, в основании которой лежит определённое понимание исторического времени.

Консерватизм как стиль мышления и способ понимания исторического времени противостоит не столько либерализму и социализму, сколько *прогрессизму*, линейной модели исторического развития, равно характерной как для либерального, так и для социалистического миропонимания. В этой связи можно сделать интересное наблюдение: в каждой из трёх идеологий обнаруживается склонность рассматривать представителей двух других идеологий как *естественных союзников*. Так, в оптике консерватизма стираются принципиальные различия между либерализмом и социализмом (обе идеологии подводятся под более общие базовые принципы – *прогрессизм, универсализм, утопизм, рационализм*). Консерватор усматривает между либерализмом и социализмом скорее *количественные*, нежели *качественные* различия. Либералы и социалисты в горизонте консерва-

тивного миропонимания предстают как естественные союзники, носители *одного и того же* типа мышления.

Либералы, в свою очередь, усматривают принципиальное сходство между консервативным и социалистическим способами миропонимания. Очень характерно в этой связи введённое российскими либералами клише «коммунофашизм», призванное подчеркнуть глубинное родство и типологическое сходство между двумя основными нелиберальными идеологиями.

Наконец, социалисты исходят из того, что главный водораздел в политике и идеологии пролегает не между консерваторами и либералами, а между социалистами (коммунистами), с одной стороны, и «буржуазными» идейными течениями (консервативными и либеральными) – с другой. Таким образом, каждой из трёх базовых идеологий присуща имманентная склонность сближать две другие идеологии, подводить их под общий знаменатель.

4. Образ будущего и утопический идеал в либерализме (прогрессизме)

В контексте политической философии подлинной антитезой консерватизму, осмысленному как специфический стиль мышления, выступает не либерализм и не социализм, но *прогрессизм*. Возможны различные гибридные формы идеологии: либеральный кон-

серватизм, социал-консерватизм. Консервативного же прогрессизма быть не может, это «деревянное железо». Именно прогрессистская установка выражает самую суть противостоящих консерватизму идеологий. Идея прогресса, утвердившаяся в европейской философии в эпоху Просвещения, является своего рода *общим знаменателем* самых различных идейных течений XIX и XX вв. [5]. В частности, идея прогресса (соответственно, установка прогрессизма) является конститутивной для двух базовых идеологий нового времени – либерализма и социализма. Разумеется, в различных направлениях либеральной и социалистической мысли идея прогресса получала различную трактовку [11]. Идея прогресса (и рассмотрение социальной действительности сквозь призму этой идеи) неразрывно связана с *линейной* моделью исторического времени и трактовкой общественного идеала как идеала *утопического*.

Во всех теориях общественного прогресса (от Кондорсе до Фукуямы) постулируется абстрактный и универсальный общественный идеал, приближение к которому составляет содержание так называемой всемирной истории. Этот идеал является *утопическим* не в том смысле, что он признаётся нереализуемым, недостижимым, внутренне противоречивым, но в том смысле, что он оказывается оторван от конкретной социальной действительности, от исторического опыта, традиции, культуры. Из двух основных смыслов слова «утопия» (утопия как нереализуемый

проект и утопия как проект, оторванный от конкретного «месторазвития») в данном случае более важным представляется второй. Либеральный и социалистический типы сознания равно утопичны потому, что приписывают общественному идеалу всеобщий и универсальный характер, постулируют *несводимость* идеала к конкретной социальной действительности и его *невыводимость* из неё.

Прогрессистский тип сознания допускает и даже предполагает более или менее радикальный *разрыв* с прошлым, который рассматривается в качестве условия и необходимой предпосылки приближения к общественному идеалу². Общественный идеал как идеал *утопический* не может быть *выведен* из исторического опыта социального субъекта, из той или иной социокультурной традиции. Идеал полагается в качестве *вневременного, внеисторического*. Конкретное содержание общественного идеала в данном случае не имеет существенного значения (это может быть «коммунизм» или «открытое общество»), важна *структура мышления*, а не конкретные «ценности», которые выводятся в различных идеологиях на первый план. «Популярные попытки идентифицировать антагонистические идеологии по наборам “базовых

² В социалистических концепциях этот разрыв, как правило, приобретает более радикальный характер, чем в концепциях либеральных. Дело, однако, не в степени радикализма, а в принципиальном допущении самой возможности радикального разрыва с прошлым, с традицией.

ценностей” способствуют дидактической наглядности, но уводят от сути дела» [17].

Метафизическим основанием прогрессистских теорий общественного развития (как либеральных, так и социалистических) выступает философия истории материального типа (философия истории как теория всемирной истории). В качестве типичного примера здесь можно привести марксистскую историософию. Она является в одно и то же время *детерминистской* и *телеологической*. С одной стороны, в марксизме постулируется обусловленность настоящего прошлым (исторический детерминизм, исторический материализм), с другой стороны, прошлое и настоящее здесь описываются и оцениваются с точки зрения ожидаемого будущего, утопического идеала, в роли которого выступает коммунизм.

Важнейшим психологическим следствием принятия прогрессистской модели истории становится «исторический оптимизм», убеждение в том, что «в долгосрочной перспективе» историческое время всегда «работает на нас», неуклонно приближая человечество к «светлому будущему». Отсюда – характерная для прогрессизма *надежда на будущее*, ожидание будущего как *лучшего* будущего. В темпоральной структуре прогрессистского – либерального и социалистического – сознания *будущее* (образы будущего, конструируемые, исходя из общественного идеала) обладает своеобразным приоритетом, выступает в качестве *горизонта понимания прошлого и настоящего*.

5. Антипрогрессизм и антиутопизм консервативного стиля мышления

Для понимания специфики консервативного стиля мышления важно, что исторически консерватизм возникает в ситуации прогрессирующего распада традиционных социальных связей и традиционных форм социальной организации. М. Ремизов рассматривает эпоху Просвещения и Французской революции как «осевое время политических идеологий» [8; 35]. В самом общем смысле консерватизм представляет собой реакцию на прогрессизм, универсализм и утопизм новоевропейского (просвещенческого) мышления.

Будучи реакцией на альтернативные и враждебные традиции образа жизни и мышления, консерватизм выдвигает новый способ осмысления социальных явлений. «Консервативная интерпретация (или приписывание смысла) – писал Манхейм, – возникает как враждебная реакция на революционный способ создания или понимания смысла вещей. Консерватор умеет наделять явления смыслом только путем их “округления” и приспособления к большему целому» [10; 607]. В качестве *целого*, соотнесение с которым придаёт тем или иным социальным явлениям понятность и осмысленность, в консерватизме выступает *органическая социальная общность* (народ, нация, государство). Для прогрессистского же способа виде-

ния характерно соотнесение явлений и фактов социальной жизни не с органической целостностью, но с абстрактными внеисторическими идеалами и принципами («свобода», «права человека», «социальная справедливость»).

Если «основополагающим мотивом» (термин Манхейма) либерального и социалистического типов мышления был прогрессизм (с которым теснейшим образом связаны такие характеристики, как универсализм и утопизм), то в консерватизме основополагающим мотивом становится *историзм*. Учитывая многозначность этого термина, необходимо уточнить, что речь в данном случае идёт о таком понимании общества и истории, при котором исходными выступают отношения *наследования, преемственности* и «*уко-ренённости*». Именно в контексте консервативного стиля мышления и вытекающих из него философских концепций утверждается идея о сущностной и изначальной *историчности* человеческого бытия как такового, историчности всех форм общественного бытия, в том числе ценностей и общественных идеалов. Под «историчностью» в данном случае понимается не столько *изменчивость*, сколько культурно-историческая *обусловленность*. В оптике консерватизма прошлое всегда присутствует и обнаруживает себя в социальном бытии, независимо от того, занимается ли человек «историческим познанием» или нет, проявляет ли он «интерес к прошлому» или занят исключительно «проблемами настоящего».

Человек в оптике консервативного миропонимания – это прежде всего *наследник* прошлого, хранитель той или иной культурной традиции. Всё дело, однако, в том, как понимается прошлое в оптике консерватизма, какой бытийный (онтологический) статус ему приписывается. В горизонте консервативного миропонимания высвечивается *онтологическая неоднородность* прошлого, становятся отчётливо видны два способа соотнесённости человека с исторической событийностью: *прошлое как прошедшее (ушедшее)* и *прошлое как непреходящее* [3]. Прошлое может пониматься как «исчезнувшее», «ушедшее в небытие», но оно может выступать и в качестве наследия, живого источника нашей деятельности в настоящем и наших проектов и образов будущего.

Прошлое в качестве *живого прошлого* имеет для социального субъекта *непреходящее* значение. Прошлое есть горизонт осмысления настоящего и будущего. «В прошлом консерватор видит вечное, и только поэтому оно для него выступает как норматив для настоящего и будущего» [6; 104]. Прошлое в оптике консерватизма – это прежде всего *интегральная составляющая социальной жизни* как таковой. В контексте же прогрессистских идеологий прошлое предстаёт, главным образом, в виде *пережитков*. Отдельные фрагменты прошлого, отдельные элементы социокультурного наследия могут иметь большую или меньшую ценность «для настоящего», но их значимость, в конечном счёте, определяется их соответ-

ствием абстрактному утопическому идеалу и трансцендентным ценностям.

Различие между прогрессистским и консервативным способами переживания времени можно пояснить на примере того, как объясняется интерес социального субъекта к истории, историческому прошлому. Интерес к истории может присутствовать как в либерально-прогрессистском, так и в консервативном сознании, однако *характер* и *основания* этого интереса различны. Зачем нужно «знать историю»? Ответ консерватора таков: *чтобы понимать, кто мы*. Знание собственной истории в оптике консервативного миропонимания – это источник и основание нашего *самопонимания*, нашей *идентичности*. Ответ либерала и прогрессиста будет принципиально иным: «знать историю» необходимо, чтобы избегать «ошибок прошлого», извлекать уроки, иметь примеры и контр-примеры.

В оптике консервативного миропонимания всякая идентичность сущностным образом есть идентичность *историческая* [4]. Социальный субъект не может произвольным образом конструировать собственную идентичность, руководствуясь теми или иными «внеисторическими» ценностями и идеалами. В контексте же прогрессистского миропонимания идентичность субъекта в основе своей является *внеисторической*, её усматривают либо в природе, либо в сфере трансцендентных идей и ценностей. В оптике либерального и социалистического миропонимания

социальный субъект может и должен противопоставить себя своему прошлому в том случае, если это прошлое входит в противоречие с априорно постигаемым универсальным и утопическим идеалом («образом будущего»).

6. Образ будущего в консерватизме

Если абстрактный утопический идеал либерализма и социализма имеет *внеисторический* характер (он не выводится из конкретной социально-исторической действительности и не сводится к ней), то консерватизм вообще отказывается рассматривать и оценивать социальную действительность с позиций абстрактного, утопического идеала. Манхейм усматривает коренное различие между консервативным и прогрессистским способами понимания мира в том, что прогрессист описывает и оценивает действительность в категориях *нормы*, которая выводится из абстрактного идеала и трансцендентных ценностей, тогда как консерватор «пытается видеть действительность как результат влияния реальных факторов, пытается понять норму в категориях действительности» [10; 606].

Консервативный образ будущего является *антиутопическим*, в том смысле, что он всегда привязан к конкретному топосу, почве, территории, «месторазвитию». Термин «месторазвитие» был введён в научный оборот русскими философами евразийской школы (в частности П. Н. Савицким) для обозначения ка-

чественного влияния пространственного фактора, ландшафта, географической среды на исторические события, культуру, социальные и политические системы [13].

Может ли, однако, образ будущего быть антиутопическим? Не становится ли он в этом случае «образом прошлого»? Как возможен консервативный «образ будущего» и консервативная критика социальной действительности? С одной стороны, «мышление и переживания тех, кто стремится сохранить статус-кво и ослабить прогресс, неизбежно оказываются конкретными и не могут вырваться за рамки существующей общественной структуры» [10; 601], и консерватор не может критиковать наличную социальную действительность от имени того или иного идеала. С другой стороны, если консерватизм представляет собой нечто большее, чем простое стремление сохранить статус-кво, он тем самым уже демонстрирует готовность занять критическую позицию по отношению к социальному бытию.

М. В. Ремизов справедливо отмечает, что обсуждение этой проблемы возможно лишь на уровне политической *онтологии*, а не на уровне политологии и политической *аксиологии* [17]. Характерная для консерватизма «концепция упадочной действительности имеет в своей основе отнюдь не моральную оценку, а онтологическое суждение» [17]. При таком подходе наличная социальная действительность осуждается не от имени тех или иных трансцендентных ценностей и

идеалов, но от имени действительности *более фундаментальной*, «оттесненной, подвергнутой порче или забвению, но – именно постольку, поскольку она *действительна*, а не *идеальна*, – способной привести себя к реконструкции» [17] (курсив Ремизова – И.Д.).

Консерватизм не просто отвергает те или иные конкретные образы будущего, которые предлагает либеральная и социалистическая мысль («открытое общество», «рынок», «коммунизм»), консерватизм делает нечто большее. Он ставит под сомнение саму *линейную модель исторического времени*, которая задаёт темпоральную структуру прогрессистского стиля мышления и делает возможной взгляд на прошлое и настоящее сквозь призму того или иного утопического «образа будущего». Впрочем, такое отвержение не всегда последовательно реализуется в конкретных направлениях и течениях консервативной мысли³. Тем не менее, поскольку рассматривается *структура* консервативного миропонимания, а не те или иные исторически конкретные формы идеологии консерватизма, можно утверждать, что источником консервативной критики выступает не «идеал», но изначальный и аутентичный социальный порядок, подверг-

³ Необходимо заметить, что линейная модель исторической процессуальности может выражаться не только в многочисленных прогрессистских теориях социальной эволюции, но и в столь же многочисленных концепциях социального регресса, упадка, деградации, представленных, главным образом, в различных направлениях традиционалистской мысли.

шийся порче и искажениям в наличных формах социального бытия.

В литературе неоднократно отмечалась такая специфическая черта консервативного сознания, как *недоверие к будущему*, настороженное ожидание будущего, боязнь перемен. Такая трактовка имеет отношение, скорее, к консерватизму как естественной до-рефлексивной установке сознания, которую Манхейм назвал «традиционализмом», нежели к консерватизму как идеологии. «Традиционализм, – писал Манхейм, – это общая психологическая позиция, выражающаяся у разных индивидуумов как тенденция держаться за прошлое и избегать новаций» [10; 596]. Поскольку традиционализм является экзистенциальным источником и психологической почвой консерватизма, постольку можно сказать, что консерватизм – «сознательный традиционализм» [10; 600]. Для традиционализма характерно ощущение упадка, падения, «прогрессирующей деградации» социального мира. Традиционный (исконный) социальный порядок всегда находится под угрозой исчезновения и искажения, воспринимается как нечто хрупкое, нечто такое, что мы можем полностью или частично утратить (или, возможно, уже утратили).

Философская концептуализация этого «ощущения» упадка и деградации находит выражение в учениях Р. Генона, Ю. Эволя и других традиционалистов. На первый взгляд кажется, что в философии традиционализма линейной модели *социального про-*

гресса, характерной для историософских концепций нового времени, противопоставляется столь же линейная схема *социального регресса*. Структура мышления здесь как будто сохраняется в неизменном виде, а меняются только *оценки*. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что прогрессистские и консервативные (традиционалистские) трактовки исторического времени вовсе не являются симметричными и однотипными. В оптике консервативного миропонимания упадочная, «повреждённая», деградирующая социальная действительность критикуется не от имени абстрактного внеисторического (утопического) идеала, но от имени более глубинного, более фундаментального уровня самой действительности, не от имени того, что «должно быть», но от имени того, что в подлинном и исходном смысле слова *есть*.

Для консервативного стиля мышления характерно не столько недоверие к будущему как таковому (настороженность перед лицом будущего), сколько неприятие самой линейной модели исторического времени, в рамках которой будущее связывается с абстрактным, утопическим идеалом и наделяется смысловым приоритетом по отношению к прошлому (наследию). Консерватизм не сводится к «страху перед будущим» и «боязни перемен», поскольку он, как и любая другая политическая идеология, содержит в себе неустранимый *проективный* аспект. Консервативный проект в силу неидеационного, реактивного

характера данной идеологии представляет собой *контрпроект*. Консервативный проект направлен против либерализма и социализма и против тех социальных изменений, которые произошли в ходе реализации этих проектов. Однако контрпроект является одной из форм проективности общественного сознания и по-своему выражает присущую ему устремлённость к будущему.

Что является основанием конституирования образа будущего в консерватизме? Таким основанием не может быть трансцендентный наличной социальной действительности идеал. Образ будущего в консерватизме конституируется на основании того, что является непреходящим, имеет *непреходящее значение*.

Непреходящее значение в оптике консервативного миропонимания может иметь только *исконное, изначальное*. Возвращение к началу, истокам, изначальным смыслам, изначальному предназначению – таков ведущий и глубинный лейтмотив консервативной мысли как таковой, независимо от её конкретной специфики. Вот почему консервативный проект представляет собой проект *реконструкции, реставрации, реактуализации*. Принципиальное значение для консервативного стиля мышления имеет отождествление *изначального с подлинным, аутентичным*. Реконструкции и реставрации подлежит не какая-то историческая эпоха или социальный институт, но тот тип социальной организации, который полагается в качестве изначального и, следовательно, подлинного.

М. В. Ремизов усматривает политическую миссию и философский смысл консерватизма в том, чтобы «периодически возвращать жизнь к ее “началам”» [16; 19].

Подведём итог. Консервативный стиль мышления отвергает не те или иные конкретные общественные идеалы и лежащие в их основании «ценности», но сам способ отношения к действительности, при котором конкретная действительность рассматривается и оценивается с точки зрения абстрактного и универсального идеала.

В оптике консерватизма прошлое как историческое наследие выступает в качестве горизонта осмысления настоящего и конструирования образа будущего. Консервативный образ будущего всегда связан с актуализацией (реактуализацией) того прошлого, которое полагается в качестве изначального и имеет для социального субъекта непреходящее значение.

Литература

1. Андросенко Н. П. Переосмысление консерватизма. Консерватизм как система познания // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2013. № 1. С. 98-110.
2. Дёмин И. В. Сравнительный анализ трактовок онтологического статуса прошлого у М. Хайдеггера и Ж. П. Сартра // Вестник Волжского университета

- им. В. Н. Татищева. 2013. Т. 2. № 4 (14). С. 149-160.
3. Дёмин И. В., Богданова Н. М. Прошедшее и непреходящее: соотношение категорий «прошлое» и «былое» в контексте экзистенциальной аналитики М. Хайдеггера // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (31). С. 67-77.
 4. Дёмин И. В. Проблема исторической идентичности в постметафизической философии истории // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2015. № 2(18). С. 3-18.
 5. Дёмин И. В. Соотношение категорий «идеал» и «прогресс» в философии истории Л. П. Карсавина // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 2 (34). С. 61-66.
 6. Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: Амфора, 2009. – 351 с.
 7. Желтикова И. В. «Образ будущего»: происхождение понятия, его границы, эвристический потенциал // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2011. № 2 (16). С. 213-216.
 8. Консерватизм / традиционализм: теория, формы реализации, перспектива. Материалы научного

- семинара. Вып. 3. М.: Научный эксперт, 2010. – 104 с.
9. Маннгейм К. Консервативная мысль // Социологические исследования. 1993. № 1. С. 126-138.
 10. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. – 700 с.
 11. Нисбет Р. Прогресс: история идеи / Пер. с англ. Ю. Кузнецова и Гр. Сапова. М.: ИРИСЭН, 2007. – 557 с.
 12. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. – 640 с.
 13. Побединский В. Н. Культура и «почва» в учении евразийцев: геософия или геополитика? // Вопросы культурологии. 2009. № 11. С. 23-27.
 14. Полак Ф. Образ будущего // Мир нашего завтра: Антология современной классической прогностики. М.: Эксмо, 2003. С. 220-233.
 15. Ремизов М. Опыт консервативной критики. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 112 с.
 16. Ремизов М. Опыты типологии консерватизма // Логос. 2002. № 5-6 (35). С. 1-21.
 17. Ремизов М. В. К философии радикального консерватизма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article21614.htm> (дата обращения: 28.02.2016).
 18. Сартр Ж.-П. Слова. Пьесы. М.: АСТ, 2007. – 316 с.
 19. Huntington S.P. Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. 1957. Vol. LI. P. 454–473.